

«Я должен прожить хорошую жизнь. Я не могу допустить, чтобы Сяо Лин стал нелюбимым ребенком».

Вэнь Цинъюн отвел глаза от книги и посмотрел за спину Тао Лина, но получилось так, что его взгляд тут же упал на банку со стеклянными осколками от цветочной вазы. Через две секунды он крепче сжал Тао Лина в объятиях и зарылся лицом в его волосы. Одной рукой он сжимал его талию, а другой – гладил по спине.

Тао Лин задыхался от слез. В эту минуту он наконец-то дал волю своим чувствам и выплеснул наружу всю ту невыразимую боль, что пережил за три года со смерти Тао Цзюня и за всю свою жизнь, в объятиях человека, которого он любил.

За исключением Тао Цзюня Тао Лин ни с одним человеком не чувствовал себя так раскованно. Вэнь Цинъюн стал единственной соломинкой, которая удержала его, когда он хотел, запаниковав, убежать. И в то же самое время он стал его единственной опорой и поддержкой.

Он плакал так долго, что глаза у него распухли и не открывались. Ему стало дурно, на лбу выступил холодный пот, как будто он сильно простудился. Однако на сердце у него стало намного спокойнее.

После того, как Тао Лин медленно пришел в себя, он смутился и хотел разорвать объятия, но Вэнь Цинъюн крепко его держал все это время и отпускать не стал. Его рука мягко нажала Тао Лину на затылок, чтобы тот мог уложить голову ему на плечо.

Это был слишком интимный жест. Тао Лин занервничал и захотел увидеть выражение лица Вэнь Цинъюна, но не смог вырваться из его объятий. Проведя мгновение в неподвижности, он просто перестал сопротивляться и сомкнул руки вокруг шеи Вэнь Цинъюна.

Усталость – скорее всего, ее вызвали слезы – медленно просочилась через нос и рот; Тао Лин зевнул, а потом, сам не осознавая того, потерся глазами о плечо Вэнь Цинъюна. Тот почувствовал это движение и только потом осторожно отпустил его.

Они посмотрели друг на друга, стоя лицом к лицу. Выражение Вэнь Цинъюна было таким же бесхитростным, как и всегда, в сведенных бровях отражался след тревоги. Посмотрев на Тао Лина некоторое время, он поднял руку и нежно провел ему по уголку глаза.

Было немного щекотно. Тао Лин тоже поднял руку, чтобы его остановить, но случайно схватил Вэнь Цинъюна за длинный и сильный палец. Спустя долгое время они оба отвели свои руки, как будто бы ничего не произошло. Тао Лин обернулся к столу и начал искать там свой телефон; найти его он там не смог. Вэнь Цинъюн стоял и смотрел, что он делает. Через мгновение Вэнь Цинъюн открыл книгу и передал Тао Лину его телефон.

Тао Лин сделал усилие и улыбнулся. Он взял телефон и набрал текст: «Извини, я забыл о правилах приличия. Сегодня – день рождения моего брата, и я не смог сдержаться». Затем он

прибавил: «Спасибо».

Прочитав это, Вэнь Цинъин внезапно забрал у него телефон, осторожно положил на стол и снова притянул его в объятия – безмолвный ответ. Желание заплакать снова сдавило Тао Лину грудь. Он сдерживал слезы, зная, что Вэнь Цинъину все известно.

Вторую половину ночи они просидели рядом друг с другом на широком диване под одним одеялом. Тао Лин ничего не говорил и изо всех сил старался ни о чем не думать, до тех пор, пока сам не заметил, как уснул. Спал он очень крепко, и этой ночью сны ему не снились. Когда он проснулся, то понял, что привалился к руке Вэнь Цинъина.

Рассветные лучи утреннего солнца были тусклыми, как туман. Вэнь Цинъин все еще спал. Тао Лин осторожно наклонил голову, и его губы неожиданно скользнули по шее Вэнь Цинъина.

Мимолетное прикосновение.

Через две секунды Тао Лин выпрямился. Он повернул голову и увидел, что дверь кабинета по-прежнему открыта настежь. Через нее солнечные лучи, пробиваясь сквозь балконное окно, постепенно спускались к его ногам.

– С добрым утром, Вэнь Цинъин, – с нежностью сказал Тао Лин и встал с дивана.

Вэнь Цинъин проснулся через десять минут.

Из-за того, что у Тао Лина слишком опухли глаза, он в последнюю минуту сообщил в университет, что берет отгул на полдня. Вэнь Цинъин ушел от него незадолго до полудня и перед уходом пригласил Тао Лина поужинать с ним вечером.

Ближе к вечеру Тао Лин ушел с работы. Только подойдя к цветочному магазину, он унюхал что-то ароматное. Войдя внутрь, он увидел, как Вэнь Цинъин зачерпывает рис в миску. Удивительно, но тот воспользовался пароваркой, чтобы приготовить рисовую запеканку*. Увидев выражение лица Тао Лина, Вэнь Цинъин расплылся в улыбке. [Прим. пер. «Рис в глиняном горшке» или «рисовая запеканка» – традиционный китайский ужин в провинции Гуайдун на юге Китая (см. картинку в конце).]

Как и ожидалось, после дождя резко похолодало. Деревья утун на улице стояли без листьев, исчезли даже последние следы шуршащей зелени.

Снова наступила пятница. Студентов, приходивших на занятия, становилось все меньше и меньше, и на этот раз половина мест в аудитории оказалась пуста. Когда прозвенел звонок, Тао Лин – из прихоти – сказал, что проведет переключку и запишет имена присутствующих.

Как только он это произнес, студенты один за другим начали вытаскивать свои телефоны.

Увидев это, Вэнь Цинъюн улыбнулся. Тао Лин украдкой бросил на него взгляд и заметил:

– Ребята, вам не следует сообщать своим однокурсникам, что им нужно прийти. Начиная с этого момента, все, кто придет и попытается отметиться, будут записаны как отсутствующие без уважительной причины.

– Если они придут, то без сомнения погибнут. Но если они не придут, у них будет пятидесятипроцентный шанс избежать смерти. Выбор за ними.

Вся аудитория взорвалась от смеха.

Тао Лин говорил все это с бесстрастным лицом, и его вполне можно было счесть холодным и равнодушным. И в то же самое время Вэнь Цинъюн глядел на него и думал, как хорошо тот улыбался, когда был с ним наедине. Однако с того дня Вэнь Цинъюн чаще думал о том, как Тао Лин плакал.

За кафедрой Тао Лин все еще проводил переключку. Несколько студентов, не боявшихся смерти, вкатились в двери аудитории – в итоге у них спросили полные имена и номера студенческих билетов. После этого никто не осмелился оправдываться тем, что «опоздал».

– Хорошо, давайте начнем занятие.

Вэнь Цинъюн тихонько сидел в дальнем углу и ощущал, как в кармане беспрерывно вибрирует его телефон. Даже не глядя на экран, он знал, кто этот звонивший ему человек и что он хочет ему сказать. Спустя долгое время он вытащил телефон из кармана, отключил его полностью и снова перевел взгляд на Тао Лина.

Прямо над его головой висел потолочный светильник, который целиком обливал его слоем яркого света, а тот совершенно ничего об этом не подозревал.

Каждый раз, когда взгляд Тао Лина скользил мимо Вэнь Цинъюна, он чувствовал, как будто его бьет электрическим током. Тао Лин действительно не мог понять, почему такой человек, как Вэнь Цинъюн, вообще существует в этом мире.

– Основываясь на эмпирических данных, Джеймс предположил, что общая проблема, с которой сталкиваются различные религии – это тяготы жизни. Религии существуют для того, чтобы помогать людям преодолевать жизненные трудности. Феноменология религии, которая базируется на человеческом опыте, также предполагает, что верующие люди всегда ищут божественного спасения. Если мы посмотрим на то, что происходило в Древнем Китае, то увидим, что такие свойства верований часто проявлялись в процессе формирования даосской школы Высшей Ясности.

– От расширения народных верований в Королеву-Мать Запада... до наследования и

объединения системы бессмертных – все они стремятся установить в мире смертных божественный порядок и таким образом помочь людям преодолеть жизненные трудности.

– Другими словами, причиной, по которой я всегда использую аргументы саморелигии, чтобы понять даосизм, является то, что даосизм тоже заботится об индивидуальной судьбе каждого человека. Чтобы нам было легче это понять, мы можем рассмотреть другой западный религиозный термин – искупление.

Когда лекция подошла к этому моменту, время занятия почти истекло. Пока Тао Лин это говорил, Вэнь Цинъин внезапно перевернул блокнот и на последней странице написал: «Я тоже несу бремя жизни и хочу, чтобы у нас с тобой было взаимно-обратное соответствие, потому что надеюсь найти способ избавиться от своего бремени».

Вечером они, как обычно, закончив болтать друг с другом разошлись по разным дорогам и отправились домой. Вспомнив о том, что в прошлую субботу цветочный магазин был закрыт, на следующий день Тао Лин поднялся только днем и намеренно отправился туда. Как и можно было ожидать, когда он подошел к цветочному магазину, тот оказался закрыт.

Тао Лин вернулся домой недовольным. Ему было скучно, и от нечего делать он зашел на университетский форум – который не посещал уже целую вечность – и поискал посты, в которых говорилось о Вэнь Цинъине. Прокрутив две страницы до конца, он наткнулся на заголовок, который гласил: [Мой роман с владельцем цветочного магазина].

Тао Лин потерял дар речи.

Нажав на заголовок, он увидел, что топикстартер написал в посте: [Он сказал, что женится на мне на вершине цветочных облаков]. Не зная, смеяться ему или плакать, Тао Лин продолжил читать, пока случайно не зацепился взглядом за то, что кто-то написал на одном из этажей: [На днях, когда я ходила туда, чтобы купить цветы, я прямо спросила, если ли у него девушка, или нет. Он ответил, что у него есть любимый человек].

Этажом ниже спросили: [Охренеть! Он уже женат?!]

После этого по всей теме люди начали строить беспорядочные догадки.

Тао Лин пробежался взглядом по странице туда-сюда и вернулся к этим словам.

У него нет девушки, но есть любимый человек. Что это значит? Он сказал это специально, чтобы избавиться от неприятностей?

Поразмыслив об этом, Тао Лин решил в следующий раз спросить Вэнь Цинъина напрямую. Так как Тао Лин сказал, что они были друзьями, спросить об этом ничего не мешало.

В воскресенье, покончив с обедом, Тао Лин снова вышел из квартиры. Он пошел по той дороге, которая вела на его работу и, когда добрался до цветочного магазина, его внезапно остановили.

У входа в цветочный магазин кружком стояла группа людей, и все они жестикулировали и о чем-то говорили. Почувствовав что-то неладное, Тао Лин бросился вперед и увидел, что половина стеклянной двери была разбита на куски.

Пробравшись сквозь толпу, он обнаружил, что в цветочном магазине никого нет. Чтобы убедиться, Тао Лин сделал еще два шага вперед, прежде чем понял, что ему почти некуда встать – как только он поднял ногу, она чуть не приземлилась прямо на цветок. Тао Лин быстро поднял горшок с миниатюрным кедровым деревом, повернулся и спросил стоявших снаружи людей:

– Где хозяин?

– Понятия не имею, – покачал кто-то головой.

– Я помню, – сказал другой человек, – что видел, как он бежал за какими-то хулиганами.

Люди около входа начали одновременно говорить разные вещи. Не удосужившись их выслушать, Тао Лин немедленно вытащил свой телефон, собираясь позвонить Вэнь Циньину, но вдруг остановился.

К его удивлению, он только сегодня понял – после столь долгого знакомства у него не было никакой контактной информации Вэнь Циньина.

Примечание автора.

Предложение, которое написал Вэнь Циньин, включало «взаимно-обратное соответствие», выражение, которое взято у Уильяма Джеймса. Изначальная идея касалась взаимодействия человека и бога в рамках религии. [Прим. пер. Уильям Джеймс – американский философ и психолог, бихевиорист, создатель концепции «потока сознания». Автор романа в этой главе неоднократно ссылается на работу 1902 года «Многообразие религиозного опыта». А еще У. Джеймс – родной брат известного писателя рубежа XIX-XX веков Генри Джеймса.]

Рисовая запеканка:

<http://bllate.org/book/13907/1225724>